

Глава 166 - Одинокая собака.

Несмотря на то, что большинство чиновников выступали против назначения А-Пина наследным принцем, у них не было другого выбора, кроме как сделать его наследным принцем. Сяо Юю было почти тридцать лет, и действительно пришло время назначить наследного принца.

Дело было решено, и чиновники изначально хотели призвать Сяо Юя назначить королеву или наложницу, но их совершенно отвлекло объявление Сяо Юя назначить кронпринца, и только когда они вышли из дворца, кто-то вдруг вспомнил об этом: "Разве мы не хотели попросить Его Величество выбрать наложницу и назначить королеву, почему мы забыли об этом? "

Один из министров покачал головой и вздохнул: "Не надо об этом, разве вы не понимаете, что имеет в виду Его Величество? Наследный принц уже выбран, нужна ли королева?".

Все министры беспомощно и горько улыбнулись, похоже, что для Его Величества действительно невозможно завести наложницу, можно только сказать, что та, что сейчас во дворце, слишком сильна, Его Величество бессилен, даже если у него есть намерение, они действительно не знали, благословение это или проклятие.

Как может мужчина находиться в гареме?! Они могли только пробормотать несколько слов в уме, но не в лицо, потому что, в конце концов, кто мог позволить себе связываться с этим человеком?

Они могли быть только благодарны, что князь Юэ - Сяо Инь оставил родословную в семье Сяо, и они слышали, что Его Высочество чрезвычайно умен, так что все надеялись, что он будет ярким правителем в будущем.

Было так холодно, что Сяо Юй вернулся в согревающий павильон, снял сапоги и сел греться у огня, зовя Сяо Цао: "Снимай сапоги и поднимайся сюда". Он протянул руку, схватил горсть фисташек и начал их есть. Это был Новый год, поэтому самое время есть семечки, но семечки подсолнуха все еще были за океаном, в Новом Свете, поэтому были фисташки.

Сяо Цао снял сапоги и сел напротив Сяо Юя: "Брат, ты действительно собираешься сделать А-Пина наследным принцем?".

Сяо Юй посмотрел на него и улыбнулся: "Да, у меня нет сына, кого еще я могу сделать, кроме него?".

"Ты действительно не собираешься жениться и обзавестись своим собственным сыном?" В истории даже императоры, которые были «обрезанными рукавами», никогда не отказывались жениться и заводить детей.

Сяо Юй махнул рукой: "Нет, мне достаточно Линьчжи и А-Пина".

Сяо Цао понизил голос и спросил, "Брат, скажи мне, ты правда хочешь этого, или ты боишься, что он будет недоволен?".

Сяо Юй замер на мгновение, затем слегка улыбнулся: "Конечно, это моя воля. На самом деле, если быть честным, как мужчина, кто бы не хотел иметь большое количество жен и наложниц, и каждый день находить что-то новое и приятное? Я - император, и у меня есть эта возможность. Но с другой стороны, буду ли я счастлив, если и у него будет много наложниц? Я бы не стал. Поэтому поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Достаточно того, чтобы я принадлежу ему, а он мне. Возможно, именно в этом человеческая природа отличается от природы зверей".

Услышав это, Сяо Цао поднял брови: "То, что сказал императорский брат, очень верно".

В этот момент в дверь постучались, и Сяо Юй сказал: "Входите".

Дверь толкнули, и Сяо Юй подумал, что это кто-то из слуг, но он не ожидал, что это будет Пэй Линьчжи, который всегда свободно входил, но сегодня он постучал в дверь. Мог ли он услышать, о чем они говорили? Ему вдруг стало немного жарко.

Пэй Линьчжи держал в руках ветку красной сливы, на которой еще лежал снег: "Ваше Высочество тоже здесь? Ваше Величество, я увидел прекрасные цветы сливы у почтового дома на другой стороне улицы, и пошел выбрать одну для вас".

Сяо Юй улыбнулся и протянул руку, чтобы принять его: "Этот цветок сливы так красив, принеси мне вазу, чтобы поставить его в нее, я хочу поставить ветку на свой стол".

Пэй Линьчжи положил цветок сливы на стол и повернулся, чтобы поискать вазу для сливы. Через несколько мгновений он нашел вазу для сливы цвета селадона, налил немного воды из таза, которым он мыл руки, и протянул Сяо Юю.

Сяо Цао сказал с улыбкой: "Я не ожидал, что генерал Пэй, который настолько силен и которого боятся его враги на поле боя, также будет иметь такой тонкий вкус к цветущей сливе".

Пэй Линьчжи поднял брови и улыбнулся: "Куда там, по сравнению с элегантностью, я не так хорош, как Ваше Высочество". Сяо Цао посадил двор орхидей в королевской резиденции, поскольку его покойная жена любила орхидеи.

Сяо Юй посмотрел на двух мужчин перед ним и неожиданно рассмеялся: "Я вдруг вспомнил поговорку: "В душе тигр, в сердце роза".

Пэй Линьчжи и Сяо Цао осторожно улыбнулись.

Сяо Цао поднял большой палец вверх: "Это описание очень меткое и лучше всего подходит для генерала Пэя, мой проницательный брат!".

"Это не мои слова, а слова мудреца",- Сяо Юй рассмеялся: "Может, сыграем партию в шахматы вместе?".

Сяо Цао спросил: "Что за шахматы? Я не играю в Го".

"Обычные шахматы",- сказал Сяо Юй.

Пэй Линьчжи уже пошел за шахматной доской для него.

Сяо Цао сказал: "Почему бы тебе не поиграть с генералом Пэем?".

Уголки рта Пэй Линьчжи приподнялись, но он улыбнулся, ничего не сказав.

Сяо Юй посмотрел на него: "Я больше не играю с ним". Пэй Линьчжи был настолько хорош в шахматах, что Сяо Юй не мог у него выиграть, если только тот намеренно не поддавался ему.

Два брата расставили свои шахматные фигуры и начали сражаться.

Пэй Линьчжи наблюдал за игрой со стороны и чистил фисташки для Сяо Юя, кладя их ему в руку, пока тот ел их и играл в шахматы с Сяо Цао.

Сяо Цао - новичок в шахматах и вскоре был повержен Сяо Юем. Он был немного обеспокоен и поднял глаза, чтобы увидеть двух мужчин напротив него, один спокойно играл в шахматы и ел орехи, другой медленно и методично очищал скорлупу для него, оба с улыбкой на губах.

Он постучал шахматной фигурой в руке по доске: "Вы двое делаете это специально, выпендриваясь передо мной? Он подсказывает тебе!".

Сяо Юй оглянулся на кучу фисташек в своей руке и рассмеялся: "А-Цао, ты знаешь, что для этого есть специальное название".

"Какое название?"

"Это называется "одинокая собака".

"Чего?"

"Одинокая собака".

Сяо Цяо замер на мгновение, а затем выругался: "Императорский брат, ты ужасен!".

Сяо Юй продолжал громко смеяться, и Пэй Линьчжи тоже не мог сдержать смех, у Сяо Юя всегда выходили четкие золотые слова, так что, наверное, он принес их из того мира.

"Больше никаких игр! Прямо на Новый год! Мало того, что я проиграл тебе в шахматы, да еще и был высмеян тобой", - Сяо Цяо протянул руку к шахматной доске, но все фигуры были перепутаны.

Сяо Юй протянул руку и шлепнул его по руке: "Ты жульничаешь! Ты действительно не собираешься больше играть?"

Сяо Цяо потянулся, выхватил у него несколько фисташек и бросил их в рот, сказав: "Я не хочу играть, и никто не будет чистить скорлупу для меня".

Сяо Юй не мог не хмыкнуть: "Я позову кого-нибудь, чтобы почистить их для тебя".

Сяо Цяо махнул рукой: "Забудь, это не хочется и невкусно".

"Тогда я почищу их для тебя".

Сяо Цяо взглянул на Пэй Линьчжи: "Забудь об этом, я сделаю это сам".

Сяо Юй наполнил их чайные чашки и сказал: "А-Цяо, почему бы тебе тоже не найти себе спутницу? Хорошо, когда есть кто-то, кто знает, что ты хочешь, и тебе есть на что надеяться".

Сяо Цяо закрыл глаза и вздохнул: "Со смертью Цзиньсюэ мне не на что надеяться".

Сяо Юй на мгновение не знал, что ответить, но казалось, что растроенный Сяо Цяо был так мягок.

Пэй Линьчжи вдруг сказал: "Ваше Высочество, если бы ваша жена узнала, что Вы отнеслись к ней с такой нежностью, она бы, конечно, вздохнула с облегчением на небесах. Но если бы она знала, что вы живете в постоянных угрызениях совести и боли, она бы тоже не успокоилась. Это правильно, что вы должны думать о ней, но вы не можете вечно жить в памяти".

Сяо Юй удивленно посмотрел на него, не ожидая, что тот просветит Сяо Цяо, поэтому он

спокойно потянулся руку и сжал его руку: "А-Цао, Линьчжи прав, нельзя всегда жить прошлым, нужно смотреть вперед. Дни становятся лучше с каждым днем, разве мы не должны жить счастливее?".

Сяо Цао кивнул: "Брат прав. Я пойду погуляю, не хочу быть одинокой собакой".

Сяо Юй не смог удержаться от громкого смеха: "Давай".

Когда Сяо Цао ушел, Пэй Линьчжи сказал: "Может, мне сыграть с тобой?".

Сяо Юй схватил его за руку: "Нет, не хочу играть больше, просто посиди со мной немного".

"Хорошо".

Сяо Юй взял две подушки и сложил их стопкой, прислонился к ним вместе с Пэй Линьчжи и болтал.

Сяо Юй взял руку Пэй Линьчжи и некоторое время рассматривал ее, ощупывая толстые мозоли на ладони: "У тебя очень красивые руки, с широкими, но не толстыми ладонями и длинными, тонкими пальцами с хорошо выраженными костяшками, но мозоли на ладони слишком большие. Когда в будущем мир будет урегулирован, мозоли на твоих руках тоже исчезнут, верно?".

Пэй Линьчжи сказал: "Даже если они не исчезнут, это не страшно, я готов охранять мир своим мечом ради тебя".

Сяо Юй вдруг сказал: "Ты когда-нибудь думал о том, чтобы завести ребенка?".

Пэй Линьчжи сделал небольшую паузу: "Ребенок? От кого, от тебя?"

Сяо Юй рассмеялся и ударил его рукой по груди: "О чем ты думаешь!".

Пэй Линьчжи схватил его руку, поднес к губам и поцеловал: "Если ты не можешь мне родить ребенка, то его у меня не будет. Когда твои внуки придут выразить тебе свое почтение, ты можешь поделиться со мной некоторыми из их подношений".

Когда Сяо Юй услышал это, его нос слегка защеколало: "Хорошо. Как насчет того, чтобы тоже усыновить ребенка, как это сделал я?"

Пэй Линьчжи поцеловал его в лоб: "Нет, у меня нет трона, который я должен передать. Если я усыновлю ребенка, где я буду его воспитывать? Во дворце? Это не правильно. Мне не нравится

идея открытия собственного дома, так что давай оставим все как есть, у меня все равно нет старших, никто не может меня контролировать".

Сяо Юй протянул руки, обхватил Пэй Линьчжи за талию и прижался лицом к его груди, слушая звук ровного, сильного сердцебиения этого человека, наполняя свое собственное сердце рвением к нему: "Тогда я позволю А-Пину оказать тебе должную честь. Если я умру первым.....".

Пэй Линьчжи поспешно закрыл его рот рукой: "Бла-бла-бла, какой смысл говорить это в Новый год!".

Сяо Юй убрал руку и сказал: "Ладно, не будем об этом. Несмотря ни на что, А-Пин будет относиться к тебе так же, как ко мне".

"Конечно, я его учитель, а учитель - это почти то же самое, что отец. Ты действительно собираешься сделать его наследным принцем?".

"Ну, а кто еще это может быть? Если бы у Сяо Цао был сын, я бы, может быть, и подумал об этом, но сейчас у него нет, поэтому остается только А-Пин",- сказал Сяо Юй.

Пэй Линьчжи вздохнул: "Интересно, найдет ли когда-нибудь Сяо Цао мир в своем сердце?".

"Это не в моей власти, кто сказал ему, чтобы он сам не заводил себе ребенка. Но, видя характер Сяо Цяо, он тоже не должен быть особенно славным".

"Я надеюсь на это. Но не волнуйся, я присматриваю за тобой",- сказал Пэй Линьчжи.

"Ну, ты мой якорь в этом мире!",- удовлетворенно сказал Сяо Юй.

Назначение кронпринца было назначено на девятый день первого месяца, второй день суда после праздников. В последние несколько дней Сяо Юй уже говорил с А-Пином о том, чтобы сделать его кронпринцем, а министр обрядов Ван Ци лично приехал во дворец, чтобы обучить А-ПИна необходимым ритуалам для церемонии.

Девятилетний А-Пин, который уже все понимал, подозрительно спросил: "Отец, почему ты хочешь, чтобы я стал кронпринцем? А вдруг у тебя будет собственный сын в будущем?".

Когда Сяо Юй услышал это, его сердце заколотилось. Похоже, что кто-то рассказал ребенку эти вещи за его спиной, поэтому он сказал: "Не будет. Ты мой единственный сын, кто будет наследным принцем, если не ты?".

А-Пин разразился смехом: "Я так сильно люблю папу!". Ребенок в этом возрасте, возможно,

еще не знал, что значит быть наследным принцем, но он понимал одно: он - единственный папин сын, уникальный, и никто не может этого отнять.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300366>